

Глава 1

– Бренда!

Голос слышится откуда-то издалека. Это потому, что я по уши погружена в книгу про «части тела», как называет это моя подруга Алекс. (На самом деле надо говорить «анатомия».) Я хочу быть врачом, когда вырасту, и потому каждую неделю я беру в библиотеке что-нибудь по анатомии. Все равно когда-нибудь придется выучить все кости и мышцы человеческого тела, вот я и решила не откладывать. Ну и потом, мне пока только девять лет, и я хочу узнать все, что нужно, заранее, чтобы успеть

до того времени, как я начну думать обо всяких глупостях, вроде того как красить глаза или как нравиться мальчикам.

Так, вот череп. Мне всегда казалось, что в нем всего одна кость, если не считать нижней челюсти, а выходит, что на самом деле череп сделан из кучи мелких косточек, которые соединены между собой. Но почему? Ведь цельная кость была бы прочнее! Вот шлем для мотоцикла – он тоже защищает мозг, но ведь никто не собирает шлемы из кусочков, как пазлы.

Моей коленки касается нога в белом носке с дыркой на месте большого пальца.

– Бренда!

Я выныриваю из своих мыслей. Воскресный день клонится к вечеру. На другом конце дивана устроилась мама. Она опустила книжку, которую читала, и снова подталкивает меня ногой.

– Что, мам? – спрашиваю я.

– Ты голодная?

Я киваю. Сегодня воскресенье – мой любимый день, потому что по субботам маме нужно уходить на работу. В воскресенье мы обычно едим на завтрак вафли и идем в бесплатный музей или гуляем по Центральному парку. Потом мы возвращаемся домой и валяемся на диване с книжками до тех пор, пока не надо будет готовить

ужин. На ужин у нас обычно вермишель в форме буковок с оливками и артишоковыми сердечками. Мы всегда соревнуемся, у кого получится самое длинное слово из вермишельных букв. Мама знает куда больше слов, зато у меня в запасе куча названий болезней, вроде «гемохроматоз» или «пневмокониоз», так что не все еще потеряно.

– Ты будешь шоколадное молоко или горячий шоколад? – спрашивает мама.

Я гляжу в окно и раздумываю над ответом. Шоколадное молоко мы пьем в жару, а какао – когда холодно. На дворе начало сентября, время какао уже на подходе. Лучи вечернего солнца падают на стены теплыми золотыми квадратами, а в парке уже пахнет осенью. Но к зиме я еще не готова.

– Молоко шоколадное буду я, – отвечаю маме, не заметив, что заговорила задом

наперед. Я хочу быть похожей на талантливую и гениальную Леонардо да Винчи. Он иногда писал задом наперед, ну, и я решила, что говорить задом наперед тоже неплохо. Так меня понимают только мои подруги – очень удобно, если надо сказать что-нибудь секретное в присутствии взрослых.

Правда, мама заявила, что в нашем доме все будут говорить по-человечески. Она пообещала, что, если я заговорю с ней задом наперед, она станет отвечать на латыни, и тогда уж мы точно ни до чего не договоримся.

Она одаривает меня своим фирменным взглядом, словно говоря: «Кто тут опять говорит задом наперед?» – и я быстро поправляюсь:

– То есть я буду шоколадное молоко.

Мама улыбается.

– Вот и славно. – Она встает и отправ-

ляется на кухню, которая с чулан размером. Мама работает в библиотеке, и денег у нас не так чтобы много. Кроме того, раз в неделю мама занимается с женщинами, которые не умеют читать, и за это вообще ничего не получает. На самом деле, мама умная и, если бы только пожелала, запросто могла бы занимать важную должность в банке, как ее сестра, а моя тетя Тельма. Но мама как-то раз сказала мне, что у них с Тельмой разные цели. Я так поняла, что тетя Тельма хотела разбогатеть, а мама – нет.

Я, в общем-то, тоже не думаю о деньгах. Мне ни к чему модная одежда, плееры или там видеоигры. Хотя нет, есть одна вещь, о которой я мечтаю, – компьютер. Когда я бываю у своих подруг-тройняшек, они пускают меня за свой.

Как-то раз, когда мы сидели в комнате у Джерзи Мэй, я обнаружила в Интернете

сайт со списком очень интересных болезней. К сожалению, я сделала ошибку – прочла вслух симптомы болезни под названием «бери-бери». И вдруг Джерзи Мэй стала бледнеть.

– У меня мышцы болят, – сказала она. – И я чувствую усталость. – Она откинулась на груди мягких розовых подушек.

– Ты стала раздражительной? – спросила я.

– Что есть, то есть, – ответила за сестру Джоанна. Джерзи Мэй стукнула ее подушкой.

– Вот видишь! – сказала Джоанна.

– А аппетит стал хуже? – продолжала спрашивать я.

– Да! – сказала Джерзи.

Третья сестра, Джессика, заметила, что вообще-то мы только что объелись фруктовым мороженым с карамельным соусом. Но Джерзи уже успела так перепугаться,

что стала упрашивать родителей отвезти ее в больницу, и ее мама запретила нам заходить на этот сайт.

Я иду на кухню и отмериваю шоколадный порошок, чтобы приготовить шоколадное молоко – зачерпываю мерной ложечкой, а потом аккуратно ножом убираю получившуюся на ложке горку.

Краем глаза я замечаю мамину улыбку.

– Ты еще порадуешься, что я такая аккуратная, когда я стану доктором, а ты придешь ко мне за рецептом, – говорю я.

– Это точно, – отвечает мама.

Я мечтала быть врачом с тех самых пор, как прочла, что Леонардо резал трупы и изучал человеческий организм. Я решила, что, наверное, тело – ужасно интересная штука, если ради его изучения можно на такое пойти. И, как всегда, Леонардо оказался прав. В человеческом теле происходит столько всякого разного, что удиви-

тельно, как мы вообще ухитряемся хотя бы на ноги встать.

Мама бросает вермишель в кастрюлю с кипятком, а потом мажет французскую булку чесночным маслом и кладет в духовку – поджариваться.

– Давай поиграем после ужина в слова, в скрэббл? – предлагаю я.

– Давай, – говорит она. – Сегодня я тебя точно обставлю, – и с этими словами мама изображает явно преждевременный победный танец и кружится, размахивая кухонным полотенцем.

– А вот и нет! – говорю я, но в маминых глазах явно читается щекотальный замысел, поэтому я отступаю прочь из кухни, стараясь не поворачиваться к маме спиной.

– А вот и да! – отвечает она, делая выпад к моему правому боку – он у меня особенно чувствителен к щекотке.

– Нечестно! – визжу я сквозь смех. Мама точно знает, где меня пощекотать, а сама щекотки не боится, наверное, с самого рождения. Почему в книжках по анатомии не указаны зоны для щекотания?

Звонит телефон.

– Последи за хлебом, – просит мама, убегая в гостиную.

– Да?.. А, Тельма, привет, – говорит она.

Что-то тут не так. Мама и ее сестра прекрасно ладят, но не имеют привычки болтать друг с другом почем зря, хотя тетя Тельма живет в каком-нибудь часе езды от нас. У нее очень большой дом в очень фешенебельном пригороде, а поселилась она там, когда вышла замуж за очень богатого адвоката, а еще до того заработала большие деньги у себя в банке.

– Ох, милая, какая жалость! Да... да, конечно, мы вам поможем... Вторник? Да, вполне подходит. Во вторник у меня вы-